

ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81.276.6

DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.14

ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ И ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ РЕЧИ

PERSONALIZATION AND DEPERSONALIZATION IN LEGAL DISCOURSE

Ольга Юрьевна Авдевина

**Саратовская государственная юридическая академия,
Саратов, Россия**

Olga Yuryevna Avdevnina

**Saratov State Academy of Law,
Saratov, Russia**

Вера Викторовна Девяткина

**Саратовская государственная юридическая академия,
Саратов, Россия**

Vera Viktorovna Devyatkina

**Saratov State Academy of Law,
Saratov, Russia**

Аннотация

В статье рассматривается специфика обозначения лиц и функционирования наименований лиц в правовой сфере. Институциональность общения и антропологические представления, отличающие правовое мышление и юридический дискурс, обуславливают своеобразие как первичного обозначения людей, так и вторичного использования, переосмысления наименований лиц. В статье рассматриваются две основные модели вторичной концептуализации категории лица: персонализация — использование антропологической лексики в презентации не лиц или группы неопределенных лиц, и деперсонализация — обозначение людей лексикой неличной семантики.

Ключевые слова: лицо, личность, наименование лица, персонализация, деперсонализация, юридическая речь.

Abstract

Research of how a person is defined in legal discourse is very important due to its connection to the concept of “individual/identity” and anthropological notation in the sphere of law. The reconstruction of the notation is necessary to analyze and interpret legal thinking as well as to comprehend forming and functioning of legal entities naming.

The composition of the article reflects the move of the researchers' thought. The conceptual basement of person naming is considered in the article: the notion of “person”, “individual” and its expression in word usage (functioning of such notions as “legal entity”, “court”, “legislator”, etc.)

The conceptually important for the research notion of “person”, “individual” is firmly defined in philosophy, psychology, science, law, and cognitive linguistics. The characteristics of an individual are: 1) social determinism, existence of will, consciousness, feelings (philosophical and psychological aspects); 2) presence of rights and freedoms, social function of legal entity (legal aspect); 3) socialization of human life, legal causality of an individual and personal endurance (socio-cultural aspect).

There are two main levels that form the notion of individual: primary conceptualization which results in special notation with semantics of person (e.g. “person”, “individual”, “legal entity”, “legislator”) and secondary conceptualization which is the reinterpretation of terms and person definitions.

Personalization is using names of persons to define inanimate objects or abstract notions. Depersonalization is the opposite — defining a person using words with impersonal semantics, which normally do not describe a human being. Deindividualization is defining a person without taking into consideration his or her sex.

Personalization is analyzed based on the notion of ‘legal entity’. It is determined that even during primary conceptualization it is possible to distinguish the signs of animating for the person definition, e.g. when this notion is combined with anthropocentric verbs. Secondary conceptualization is the language game based on straight and implicit reification (I have come to you as a legal entity to a legal entity) and the notion involving into the reflection over interrelation of “legal entity” with specific individuals, their rights and freedoms (After the defendant was disclosed to have no name, the court could not consider him a legal entity any longer and the most correct behavior from the judges was to show surprise, where is the defendant and what are they sitting for?).

Depersonalization and deindividualization are briefly discussed through the examples of the following naming units: “court”, “legislator”, — and other words correlating on gender feature: suitor — suitress.

The research concludes that personalization counterworks the impersonality, common for legal discourse. Personalization is performed by reinterpretation of anthropocentric naming, including “individual”, “identity”.

Key words: individual, identity, person definition, personalization, depersonalization, legal discourse.

Введение. Целью представленного в статье исследования является реконструкция феноменов персонализации и деперсонализации как когнитивных моделей вторичной концептуализации семантической категории лица в юридической речи, а также анализ лексических средств формирования этих моделей. Теоретическим основанием работы служит учение о когнитивном содержании слова, или теория концепта как «константы культуры» (Ю. С. Степанов), позволяющее рассматривать семантику слова не только в речевом, но и социокультурном контексте, в частности, привлекать для описания его семантической структуры понятия и модели картины мира и дискурсивные практики.

Методология. В работе используются методы когнитивного анализа лексических единиц, сложившиеся и апробированные в многочисленных работах зарубежных и отечественных лингвистов: Дж. Лакоффа, М. Джонсона, А. Вежбицкой, Ю. С. Степанова, Н. Д. Арутюновой, Ю. Д. Апресяна, И. А. Стернина и др.

Учение о концепте предполагает рассмотрение слова как знака некоего культурно закрепленного содержания (концепта), открывающего в семантической структуре слова такие области смысла, которые формируются в результате его социокультурного функционирования за весь период его существования: от происхождения до развития в нем многозначности и формирования традиции многоаспектного его использования. Поэтому когнитивный анализ слова, как правило, включает целый ряд соответствующих исследовательских операций: обращение к этимологии слова — первичному этапу категоризации представлений об обозначаемом объекте, анализ его экстенционала на основе как можно более широкого спектра употреблений (многозначность признается одним из главных признаков концептуализации слова), исследование роли данного слова в формировании языковой и / или культурной картины мира. Именно такой анализ (от этимологии, семантики и словоупотреблений к дискурсивной характеристике слова) выводит к реконструкции концепта и предложен Ю. С. Степановым в качестве способа выявления «констант культуры» и «лингвистической философии» [Степанов 2004: 7–8]. Представленное в данной статье исследование ориентировано, главным образом, на это направление когнитивной методологии.

Объектом изучения является функционирование наименований лиц и отдельных лексем, обозначающих человека, в юридической сфере.

Предмет исследования — явления вторичной концептуализации данной лексики, двух ее моделей — персонализации и деперсонализации.

Понятие *персонализации* использовано в работе в значении одного из направлений выражения представлений о человеке и является в некотором смысле терминологической вольностью авторов, поскольку, во-первых, сам термин заимствован из психологии, где он обозначает одно из явлений становления личности, связанное с саморефлексией, и, во-вторых, в когнитивной лингвистике используется смежное понятие *персонификации* [Лакофф, Джонсон], обозначающее представление неодушевленных объектов как антропоцентрических. Понятие *персонификация* вполне может быть использовано и в данном исследовании, но не принято за основное, поскольку традиционно его значение (олицетворение) не экстраполируется на язык в целом, а сводится, как правило, к изучению тропов художественной речи.

Поскольку оба термина: *персонализация* и *персонификация* — имеют общую концептологическую основу — понятие *личность*, в анализе наименований антропоцентрических объектов их можно признать синонимичными. В данной статье под *персонализацией* понимается использование наименований лиц для обозначения неодушевленных объектов и абстрактных понятий. Этой тенденции противостоит *деперсонализация* — обозначение лиц лексикой неличной семантики. К этой тенденции мы относим и *деиндивидуализацию*, проявляющуюся в юридической речи в игнорировании гендерного аспекта обозначения людей.

Материалом исследования являются юридические тексты, извлеченные из ресурсов Национального корпуса русского языка (законы, комментарии к законам, документы юридической сферы, речи судебных ораторов) и другие тексты юридической тематики (материалы СМИ, Интернета).

Основная часть.

1. Представления о личности в языке и праве: общие положения.

Формирование научных представлений о человеке как личности относится, прежде всего, к области философии, психологии и наук социологической направленности. Личность традиционно определяется как «1) устойчивая система социально значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества или общности; 2) индивидуальный носитель этих черт, свободный и ответственный субъект сознательной волевой деятельности» [Кон 1989: 313]. Главными характеристиками личности признаются, таким образом, во-первых, ее связь с обществом, социальная детерминированность формирования и деятельности; во-вторых, наличие и активность таких ее психологических параметров, как воля / свобода выбора, сознание (самосознание, разум) и чувство / эмоции. Забегая вперед, скажем, что именно эти качества (воля, разум, чувство), приписываемые неодушевленным объектам, в числе других качеств, концеп-

туально восходящих к представлениям о человеке, могут служить основанием для вывода о персонализации, или персонификации, этих объектов.

Аспект социальной детерминированности личности и ее участия в общественных отношениях выдвигается в качестве главной характеристики личности и в правовой ее концепции, сложившейся еще в древности, в эпоху римского частного права. В юридическом понятии *личность* (*persona*) изначально выражается «идея универсальной типизированной роли субъекта правоотношения» [Дождев 2006: 279], «той типичной социальной роли, которую правопорядок признает адекватной для соответствующих отношений» [Дождев 2006: 279].

Понятие *persona* (первоначальное значение — «театральная маска») обозначало в римском праве роль человека в том или ином правоотношении или в той или иной юридически значимой ситуации. Поэтому понятие *личности* не совпадало с понятием *человека* и было параметризовано в зависимости от степени участия человека в гражданском обороте (в частноправовых отношениях). Так, у человека могло не быть личности (*Servus persona non habet* — *раб не имеет личности*). Группа людей могла рассматриваться как единая личность: например, члены римской семьи по отношению к главе семьи (*alieni juris* и *persona sui juris*: *лица чужого права* по отношению к *лицу своего права*). Как единая личность рассматривалось и коллективное целое магистрата или колоната (арендаторы колоний), и именно из этого значения возникло понятие *юридического лица*. У одного человека могло быть несколько личностей, если он выступал субъектом многих правоотношений [Дождев 2006: 279]: отсюда возникновение множества юридических терминов римского частного права, использующих слово *persona*.

Уже этот абрис философско-правовых представлений о личности отчасти проливает свет на их концептуализацию в культуре и языке. Рассматривая личность в ряду констант русской культуры, Ю. С. Степанов тоже отмечает, что и в культуре концептуализация человека идет вслед за социальным осмыслением человеческой жизни, но актуализирует и другие ее измерения, выражающиеся в словах *человек*, *личность*, *индивид* [Степанов 2004: 716–717]. Концепт, реконструированный Ю. С. Степановым, двуполярен, и эта его двуполярность обозначена как «Человек. Личность». С полюсом *Человека* связаны, прежде всего, европейские гуманистические представления о свободе, равенстве и братстве, а также представления о земном бытии, отношении человека к миру и Богу и т.д. [Степанов 2004: 718–724]. Но «высшим содержанием концепта», как считает ученый, является полюс *Личности* [Степанов 2004: 718–724], понимаемой как «человек в отношении к обществу» [Степанов 2004: 724]. Определяя этот полюс, Ю. С. Степанов тоже обращает внимание на юридическое значение понятие личности, на своеобразие «социализации концепта» в юри-

дической философии человека. Однако в языке, в русской картине мира, понятие *persona* получило разветвление, выражающееся в возникновении двух вариантов представлений о *личности*, и, помимо представлений о субъекте общественных отношений и юридических прав (см. выше), возникли и укрепились представления об индивидуальности человека, индивиде [Степанов 2004: 735].

В лингвистике понятие *личности* рассматривается в тесной связи и с таким аспектом языковых значений, как «человеческий фактор в языке». Традиционно человеческий фактор в языке трактуется в лингвистических исследованиях двояко: во-первых, как обусловленность формирования языковых значений процессами и условиями человеческого познания (антропологический код языка) и, во-вторых, как обусловленность реализации языковых единиц социокультурными представлениями о человеке (социокультурный код речи). Реконструкция последнего предполагает учет особенностей той или иной сферы общественной коммуникации, культурную детерминированность речи, получившую осмысление в понятии *дискурс*. Именно этот дискурсивный аспект и специфицирует наше исследование: функционирование наименований лиц рассматривается на материале юридической речи, с учетом особенностей юридического дискурса.

Таким образом, можно вести речь о полипарадигмальности представлений о личности в научной картине мира, их формировании в разных парадигмах научного знания: психологии, философии, правоведении, связи этих представлений с концептами культуры и языковой картиной мира.

Персонализация же может быть интерпретирована, с одной стороны, в аспекте актуализации самостийности, автономности человека, его индивидуальных прав и свобод [Авдевина 2018], с другой — с точки зрения экстраполяции свойств и потенциалов человека как субъекта права на предметы или абстрактные понятия (право, закон, общество и т.п.). А деперсонализация может быть понята как такое обозначение человека, которое приравнивает его к неодушевленным объектам, или такое, которое лишает его некоторых индивидуальных черт (деперсонификация).

2. Персонализация, деперсонализация как тенденции словоупотребления юридической лексики.

Поскольку само понятие личности, как было сказано выше, интерпретируется в юриспруденции с точки зрения участия человека в гражданском обороте, естественным является перенос антропологического понятия *лицо* на группу лиц, которая тоже может выступать в качестве субъекта права. Возникает понятие, метонимическое по своей языковой природе (группа называется по одному ее члену), — *юридическое лицо*.

Не рассматривая подробности происхождения этого понятия как термина и его юридическую неоднозначность, обратимся к его функционированию в речи. Анализ материалов Национального корпуса русского языка

(НКРЯ) обнаружил несколько тенденций употребления этого наименования. Прежде всего, достаточно отчетливо разграничиваются два уровня его концептуализации: *первичная концептуализация* — прямое терминологическое обозначение группы лиц (главное значение: «зарегистрированная в установленном законом порядке организация, фирма и т.п., обладающая имуществом, ведущая какую-либо деятельность, имеющая права, обязанности, несущая ответственность» и т.д. и т.п.); и *вторичная концептуализация* — рефлексия на терминологическое значение понятия, его переосмысление в поле тех или иных, чаще всего антропоцентрических, представлений.

В плоскости первичной концептуализации (прямого значения термина) замечено, что номинация *юридическое лицо* употребляется чаще в предикативной, а не субъектной роли (см. теорию имен Н. Д. Арутюновой: о различении и сближении идентифицирующей функции наименования и его роли семантического предиката [Арутюнова 1999: 25–26]).

Смысловая роль наименования (идентифицирующая или предикативная) может зависеть от логико-синтаксической позиции наименования лица: *учитель вошел в класс* (субъектная, идентифицирующая функция наименования), *мой брат — учитель* (предикативная, квалифицирующая, характеризующая его функция). Наименование *юридическое лицо* употребляется, прежде всего, в предикативном значении: зарегистрировать юридическое лицо, учредить юридическое лицо, создать юридическое лицо, ликвидировать юридическое лицо, являться юридическим лицом, перевести в юридическое лицо, существовать как юридическое лицо и т.п. Такое употребление совершенно естественно для реализации того аспекта терминологического значения наименования, которое отражает условия организованности группы лиц, называемой *юридическим лицом*, и документально фиксированный характер ее существования и деятельности.

Само по себе такое употребление понятия *юридическое лицо* о персонализации, конечно, не свидетельствует, но некоторые требования, предъявляемые законом к учреждению юридического лица и некоторые традиции, сложившиеся в этой области, сближают это понятие с антропоцентрическими представлениями. Речь идет, например, о требовании особого названия любого юридического лица: «Юридическое лицо, являющееся коммерческой организацией, должно иметь фирменное наименование» (Проблемы правового регулирования использования средств индивидуализации субъектов предпринимательства и результатов их деятельности (2004) // Арбитражный и гражданский процессы. 2004.05.24)¹; «— А с кем вы по Усть-Луге в партнерах? Юридическое лицо ваше как на-

¹ Здесь и далее примеры даны по материалам НКРЯ, выделено нами. — О. А., В. Д.

зывается? — Там нет громких имен, а название... длинное название, заграничное» (А. Кох. «Поэтому в лесу и строим» (2001) // Известия. 2001.12.25). Само требование имени учреждения — это реализация потребности в социальной идентификации, свойственная, в первую очередь, именам антропоцентрическим [Там же].

Широко распространена традиция называния юридического лица как субъекта деятельности, ответственности и права, по именам владельцев: ТЦ «И. Р. Волков», ИЦ «Ю. С. Лахнов» и т.п. Ее тоже можно расценить как тенденцию отождествления юридического лица с конкретным человеком, тенденцию индивидуализации, персонализации деятельности группы лиц.

В поле первичной концептуализации — терминологического употребления понятия — находится и употребление наименования *юридическое лицо* в со- или противопоставлении с *физическим лицом*, или в таком контексте, который имплицитно подразумевает человека, его частную жизнь, например:

«Под правообладателем в настоящем Законе понимается автор, его наследник, а также *любое физическое или юридическое лицо*, которое обладает исключительным правом на программу для ЭВМ или базу данных в силу закона или договора» (Закон «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных» (1992) // Энциклопедия российского права. Вып. 2 (96). 2004);

«Уголовную ответственность несет только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного УК РФ, а ЗАО (юридическое лицо) или любое другое предприятие привлекаться к уголовной ответственности и быть осужденным за совершение преступлений не может» (Н. Чумаченко. Арестовали имущество... // Аграрный журнал. 2002.02.15);

«В Самарской области их достаточно много, и не редко в качестве серого дилера выступает не юридическое лицо, а физическое» (В. Штанов. Peugeot на двоих // Дело (Самара). 2002.07.10);

«Поэтому КоАП РФ по-разному подходит к вопросу вины как необходимого элемента состава того или иного административного правонарушения, в зависимости от того, кто выступает его субъектом: физическое либо юридическое лицо» (Административный кодекс и СМИ: точки соприкосновения // Витрина читающей России. 2002.06.28);

«В Испании, Англии, Канаде дом с участком может приобрести любое лицо, а вот в Болгарии и Чехии физлицо может купить только квартиру, а землю — только юридическое лицо» (Э. Гусейнов. Виллами по воде. Французская газета нашла «русскую дачу» // Известия. 2002.06.18);

«Частный заемщик априори находится в более выгодных условиях перед законом, нежели любое юридическое лицо» (А. Каледина. Кредит без риска. Правительство решит, кому можно дать в долг // Известия. 2002.05.28) и т.п.

И даже в ироничном контексте: «Если гражданин или юридическое лицо считает, что в чем-то нарушаются его права, он не должен бить в морду кому-то, извините за непарламентское выражение, а обращается в суд, где решаются вопросы» (Не у дел // Дело (Самара). 2002.07.02). Местоимение *он* — в данном употреблении личное (гражданин) — персоналистически уравнивает человека и юридическое лицо.

Биномное функционирование терминов *физическое лицо* — *юридическое лицо* составляет специфику юридической терминосистемы: юридические термины, как правило, отражают сложный, многоуровневый характер юридически значимого явления, поэтому возникают, а нередко и употребляются в парах или рядах смежных терминологических понятий, как и в случае с понятием личности (см. выше).

Вторичная концептуализация наименования *юридическое лицо* так же неоднородна. Во-первых, в переосмыслении термина фиксируются те потенции, которые научная картина мира выделяет в личности как таковой: из триединства «воля — разум — чувство» (см. выше) актуализируются модусы воли / свободы, понимаемой как сознательная деятельность, и разума — самостоятельности решений.

Так, нами отмечается активность употреблений типа: *юридическое лицо* ведет строительство, приобретает имущество, выступает в суде, принимает решения, спорит, заявляет о себе, отказывается платить, выполняет требования, ищет рынки сбыта, планирует деятельность, подает заявки, платит штраф, инициирует судебное разбирательство, оказывает услуги связи, заинтересовано, исполняет закон и т.д. и т.п.

Эта роль логического субъекта при глаголе активного действия связана с олицетворением как феноменом общезыковым. Этот эффект антропоцентризма активных глаголов — формирования представлений о том, что неодушевленные деятели при этих глаголах уподобляются человеку (*машина едет, ветер шумит*) — отмечал Р. О. Якобсон в анализе глагольных грамматических форм [Якобсон 1985]. Активность действий в языковой картине мира отличается, прежде всего, человека. Поэтому употребления наименования *юридическое лицо* с обозначениями активных действий актуализируют внутреннюю форму этой номинации — понятие *лицо*, относящееся к человеку.

И, во-вторых, выделяется и более высокая ступень вторичной концептуализации наименования в плоскости персонализации объекта обозначения: использование понятия *юридическое лицо* в художественных и публицистических текстах в языковой игре, оживляющей его связь с понятием *лицо* — «человек».

Хотя функционирование этой номинации должно быть ограничено ее терминологическим характером и институциональностью юридического дискурса, отдельные ее употребления в ироническом контексте

имплицитно указание на конкретного человека: «Мы вправе и даже обязаны допустить, что юридическое лицо не прикасается к алкоголю» (С. Гедройц. Фигль-Мигль. Характеры. Сочинения Елены Шварц; Роман Смирнов. Люди, львы, орлы и куропапки; В. Войнович. Портрет на фоне мифа // Звезда. 2003).

К вторичной концептуализации относится и прямое олицетворение со сложными семантическими связями: *юридическое лицо* выступает как средство персонализации, актуализируя из всех своих семантических компонентов, прежде всего, сему «лицо»:

«Юридическое лицо — планета Земля — является и собственником своей же поверхности, и поэтому столь же естественно (во всех смыслах: и логично, и по естеству) решается вопрос о земле — не собственность, отчуждаемая у другого юридического лица, а аренда у собственника независимо от длительности» (Ресурсы не бесконечны. Они любят бережливых // Строительство. 2003.05.26);

«Любое государство — это всегда противоестественное “юридическое лицо”, обслуживаемое безликими чиновниками, запрограммированными, как роботы, политическим регламентом, последовательно вытекающим из изобретенного людьми публичного права: “конституционного”, “международного” и т. д.» (Х.-А. Нухаев. Россия и Чечения: мир по формуле «Победа — Победа» // Звезда. 2002).

Прием прямого олицетворения может быть построен на непосредственном отождествлении понятия с конкретным лицом, например, через отнесенность с личным местоимением:

«— У нас ведь налоговая политика такова: если пионер Вася сдал макулатуру, а ты — юридическое лицо, фирма, то должен папе и маме пионера Васи предоставить справку о том, что он сдал старые газеты и получил 10 рублей» (Е. Чинарова. Бумажная проблема. Можно ли заработать на макулатуре? // Бизнес-журнал. 2004.02.13);

«Я пришел к вам как *юридическое лицо к юридическому лицу*» (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок (1931)); «Это я говорю вам как *юридическое лицо юридическому лицу*» (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок (1931)).

Особым средством языковой игры по линии персонализации понятия является трансформация устойчивых употреблений со словом *лицо* с заменой его на номинацию *юридическое лицо*: *придать лицо, обрести лицо, сменить лицо, лицо в лице*:

«Для этого он своему кооперативу придал надлежащее юридическое лицо: создал компанию, точнее, закрытое акционерное общество — “КБ-Импульс”, чтобы легче было вступать в самостоятельные экономические отношения, прежде всего с фирмой Фабелы» (Г. Горелик. Наука и жизнь российского предпринимателя: Рождение дела // Знание — сила. 2003); «Помимо внутреннего убранства, Дому музыки еще только предстоит об-

рести и свое юридическое лицо» (Будет ли разворошен Красный холм? (2002) // Культура. 2002.04.08); «В соответствии с этим принципом только само юридическое лицо в лице органов, уполномоченных выступать от его имени, должно иметь право на защиту своих нарушенных прав и законных интересов» (Производные иски в России и за рубежом // Арбитражный и гражданский процессы. 2003.03.24) и т.д.

Наконец, отмечается и рефлексия на само понятие *юридическое лицо* с эффектом персонализации группы людей и, наоборот, деперсонализации конкретного человека; такой рефлексией отличаются, главным образом, тексты выразительные, например, публицистические произведения или судебные речи:

«Деревенская община — юридическое лицо. Она думает на сходке, и, по условиям юридического лица, она иначе не может думать, как вслух и речами» (Ф. Н. Плевако. Речь в защиту Люторических крестьян (1880));

«Подумайте над этим явлением. Толпа — это фактически существующее юридическое лицо. Гражданские законы не дают ей никаких прав, но 14 и 15-й томы делают ей честь, внося ее имя на свои страницы» (Ф. Н. Плевако. Речь на суде по делу рабочих Коншинской фабрики (1897));

«...Вы все-таки должны будете сознаться, что перед вами стоит *не безразличная масса, а юридическое лицо, которое способно защищать свои убеждения и понимать* силу и последствия своих поступков» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Итоги (1871));

«Конечно, этот способ совершенно новый, но он имеет полное юридическое и нравственное значение, ибо это не показания отдельных лиц, а свидетельство целого сословия, действующего как юридическое лицо (да еще присягнувшего вдобавок)» (И. С. Аксаков. Письма родным (1849–1856));

«*Хозяин-личность и хозяин-общество* — вот те два единства, к которым человеческая мысль в своей эмпирической обращенности может приурочивать хозяйское ценение (причем хозяин-общество должен мыслиться здесь как “идеальный” сверхличный носитель хозяйского ценения, а не “юридическое лицо” гражданского права)» (П. Н. Савицкий. Континент Евразия (1916–1968));

«После того, как обнаружилось у подсудимого отсутствие имени, он стал невиден трибуналу как юридическое лицо, и наиболее правильным со стороны судей было бы сделать жест удивления, где же подсудимый и ради чего они заседают?» (П. А. Флоренский. Имена (1926)).

Как видим, любое направление языковой игры ориентировано на актуализацию еще одной очень важной для номинации *юридическое лицо* семантической компоненты — представления о наличии неотъемлемых прав: или равных правам человека (в случае с олицетворением), или фиксированных законом (в случае с группой людей или отдельными лицами),

или нефиксированных, но естественных человеческих, присущих и группе людей как сообществу и каждому, кто входит в это сообщество, прав, с которыми необходимо считаться и которые необходимо соблюдать. Само использование в таких контекстах строгого и достаточно определенного юридического понятия помогает актуализировать смыслы, связанные с концептом *закон* (законность, справедливость), важные для контекстов.

Таким образом, анализ функционирования наименования *юридическое лицо* по линии персонализации объекта обозначения помог выявить слои правового концепта *лицо / личность*. Несмотря на то что номинация носит строго терминологический характер, в ее употреблении сильна тенденция к постоянному ее возвращению в поле понятия *лицо* — человек. Значение «лицо, человек» можно признать основой названного концепта личности, главным ее смысловым ярусом.

Языковая игра и рефлексия на понятие *юридическое лицо* обнаруживает и смысловой слой, связанный непосредственно с правовым мышлением и юридическим дискурсом — это представления о юридических и естественных правах, которые должно признавать и охранять. При всех этих процессах активизации одних смыслов концепта нейтрализуются другие. Так, сдвигаются в пассив концепта, являются несущественными для вторичной концептуализации номинации *юридическое лицо* такие значения, как «фиксация в документах», «наличие обязанностей», «ответственность», «организованность» и т.п., характерные для юридического толкования понятия.

Противоположной тенденцией выражения антропоцентрических представлений является деперсонализация субъектов тех или иных юридических действий. К ней можно отнести, например, наименование конкретного лица или конкретных лиц словом, обозначающим процесс, действия. В языке такое явление метонимического переноса с действия на человека / людей отмечается нечасто, и относятся эти примеры к юридической речи: *обвинение, защита, суд* (Слово представляется *обвинению! Защите* есть что сказать? *Суд* постановил, *суд* полагает, *суд* рассмотрел и т.п.).

Говоря о семантическом, типологическом и концептуальном многообразии наименований человека, Н. Д. Арутюнова писала: «Социальные и иные функции наносят губительный удар единству человеческой личности, расщепляя ее на ряд номинатов. Меняя свои роли, маски и имиджи, следуя разным моделям поведения, совершая множество разнообразных действий и поступков, человек в своих разнонаправленных проявлениях становится референтом функциональных, реляционных и других имен, и, хотя они имеют статус семантических предикатов, т.е. обозначают признаки, роли, действия лица, его отношение к другим лицам, многие из них регулярно выполняют в предложении идентифицирующую функцию и постепенно втягиваются в зону идентифицирующих имен, приближаясь

к ним по характеру своего значения» [Арутюнова 1999: 26]. Уже в этой общей оценке обозначения лиц можно усмотреть признание некоего расщепления представлений о личности и индивидуальности, имеющего место даже в наименованиях лиц, что уж говорить о тех номинациях, которые по своей языковой природе наименованиями лиц не являются.

Так, у слова *суд*, которое нередко приравнивается к наименованию *судья* или обозначает группу судей, словарь фиксирует многозначность. В числе значений этого слова: 1) мнение, суждение; 2) государственный орган, помещение, судьи; 3) разбирательство дел, вины; судебное заседание; общественный орган (товарищеский суд) [Словарь русского языка 1988]. Как видим, в качестве устоявшегося словарь выделяет собирательное, антропоцентрическое значение «судьи», но не дает персоналистического значения «судья» — один конкретный человек, личность.

Слово *суд* в знаменитой ритуальной фразе *Встать, суд идет!* может быть понято и как *идет* «процесс судебного заседания» и как *входит* судья (судьи), *начинается заседание*.

По признанию самих судей — слушателей курсов повышения квалификации, в документном оформлении судебных решений, судья, участвовавший в рассмотрении дела единолично (*суд в составе... одного судьи*), испытывает противоречивые чувства относительно самопрезентации собственной индивидуальности. Так, согласно требованиям к оформлению таких документов, он не может писать о себе в 1-м лице: *я рассмотрел, постановил...* или даже в 3-м лице: *судья И. И. Иванов рассмотрел, постановил...*, но только: *суд рассмотрел, постановил*.

Конкретный человек подменяется функцией, поэтому даже вне документных текстов распространено обозначение конкретного лица собирательным *суд* или даже локативом: *Тверской суд г. Москвы* снял с них все обвинения, *Арбитражный суд Иркутской области* признал решение налогового органа незаконным и т.п.

Такая же ситуация и в правотворчестве: конкретные лица, составляющие законы, конкретные авторы текстов законов обозначаются обобщенным понятием *законодатель*, которое, наряду с понятием *юридическое лицо*, тоже активно участвует в персонализации / деперсонализации участников юридических процессов. Но его значение менее определено: слово может подразумевать не только авторов законных актов, но и авторов идей, правовых инициатив, и правительство, принимающее законы, и саму правовую идею, некий правовой принцип и т.д. — нечто надличное, надындивидуальное, обозначенное антропоцентрическим понятием *законодатель*. Объем статьи, к сожалению, не позволяет нам остановиться на анализе функционирования этого понятия более подробно.

Сами юристы признают персоналистическую неопределенность законодательной деятельности: «Правотворчество обезличено. Это якобы

всегда результат “коллективного творчества”. Но ведь в большинстве правотворческих ситуаций это не так — всегда есть авторы идей и концепций законов. Но затем они “исчезают”, “растворяются” в среде рабочих групп, экспертов, депутатском корпусе и подписи компетентного должностного лица» [Баранов: 16]. Несмотря на то что низкая степень субъективности как специфика юридической и деловой речи в стилистике общепризнанна, нельзя не отметить потребности «в человеке» (*человека не имам*), которая, так или иначе, проступает в разных формах персонализации или в такой вот рефлексии самих юристов на безличность словесного творчества в юридической сфере.

Возвращаясь к явлению деперсонализации, отметим, что ее особым аспектом является игнорирование такого фактора человеческой индивидуальности, как принадлежность мужскому или женскому полу. До определенного периода становления культуры гендерный фактор не считался социально значимым в большинстве областей общественных отношений, тем более в праве. «Право воспринимает субъекта прав и обязанностей в его внешних социально значимых проявлениях, абстрагируясь от особенностей, которые полагает несущественными» [Дождев 2006: 279]. К таким «несущественным» признакам человеческой личности половая характеристика отнесена в первую очередь. Отсюда возникновение в правовой сфере множества антропологических наименований, «мужских», по своей грамматической оформленности, но «бесполох» — по семантическому содержанию и употреблению: *полицейский, судебный исполнитель, милиционер, судья, судебный пристав, адвокат, прокурор, следователь* и т.д. Особенности презентации в этой лексике правового мышления и концептуализации представлений о человеке и других социокультурных кодов проанализированы в работе [Авдеевнина, Девяткина 2017].

Нами, в частности, отмечалось, что употребление в юридической речи первичных, «мужских» форм преобладает даже в тех случаях, когда существует альтернатива: наличествуют номинации женской формы: *истец — истица, ответчик — ответчица, свидетель — свидетельница* и т.п. (согласно словарю, женские наименования тоже принадлежат юридической речи). В качестве аргумента такого неразличения номинаций юристы приводят положения процессуальных кодексов, использующих только мужскую форму. Налицо неразличение не столько самих наименований, сколько самих функций обозначения человека: *идентифицирующей*, когда необходимо подчеркнуть индивидуальность, в том числе и пол человека — *истица, ответчица, и предикатной*, т.е. квалифицирующей, характеризующей, определяющей роль человека в данной ситуации (*в качестве истца, выступает истцом, ответчиком*), что можно расценить как формальное отношение и к языку, разнообразию его средств, и к человеку, которое,

к сожалению, сегодня отличает не только юридическую речь, но и юридический дискурс в целом.

Выводы. Процессы персонализации / деперсонализации являются важнейшим модусом правового мышления и концептуализации отношения к человеку в праве. Тенденции формализации представлений о личности, стремления свести их к правам и обязанностям, проявляющейся, например, в такой номинации, как *юридическое лицо*, устойчиво противостоит «поиск человека»; подобно тому как в некоторой симметрии неодушевленного предмета, расположении на нем пятен и линий, наш глаз частенько ищет контуры человеческого лица или силуэт человеческого тела. Безличность, характерная для юридической речи, преодолевается вторичной концептуализацией юридических понятий по линии персонализации — оживления представлений о конкретности и индивидуальности человека. Немало этому способствует сама номинативная лексика, например, понятие *лицо*, входящее в состав термина.

В заключение можно отметить, что амбивалентность отношения к человеку в праве (человек / *persona*), не только отличает словоупотребление (обозначение человека, обращение и т.п.), но и нередко определяет коллизии юридических ситуаций: при составлении документов и даже в рассмотрении и разрешении судебных дел.

Литература

Авдевина О. Ю. Антропологические аспекты семантики лексики *дело* // Русская речевая культура и текст: Материалы X Международной научной конференции, посвященной 25-летию кафедры русского языка (Томск, 17–18 мая 2018 г.) / Под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Томский ЦНТИ, 2018. С. 91–197.

Авдевина О. Ю., Девяткина В. В. Истец vs истица: языковые нормы и социокультурные коды наименования лиц в юридическом дискурсе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 2. С. 234–244.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Баранов В. М. Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6. С. 16–29.

Дождев Д. В. Римское частное право: Учебник для вузов / Под общ. ред. акад. РАН, д.ю.н., проф. В. С. Нерсисянца. Москва: Норма, 2006. 784 с.

Кон И. С. Личность // Философский энциклопедический словарь. / Редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев и др. Москва: Советская энциклопедия, 1989. С. 313–315.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Национальный корпус русского языка URL: <http://www.ruscorpora.ru> (НКРЯ).

Словарь русского языка. В 4 т. Т. IV / Гл. редактор А. П. Евгеньева. Москва: Русский язык, 1988. 796 с.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Москва: Академический Проект, 2004. 992 с.

Якобсон Р. О. Избранные работы. Москва: Прогресс, 1985. 460 с.

References

Avdevnina O. Yu. Antropologicheskie aspekty` semantiki leksemy` delo // Russkaya rechevaya kul`tura i tekst: Materialy` X Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashhennoj 25-letiyu kafedry` russkogo yazy`ka (Tomsk, 17–18 maya 2018 g.) / Pod red. prof. N. S. Bolotnovoj. Tomsk: Tomskij CzNTI, 2018. S. 91–197.

Avdevnina O. Yu., Devyatkina V. V. Istecz vs isticza: yazy`kovy`e normy` i sociokul`turny`e kody` naimenovaniya licz v yuridicheskom diskurse // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2017. № 2. S. 234–244.

Arutyunova N. D. Yazy`k i mir cheloveka. Moskva: Yazy`ki russkoj kul`tury`, 1999. 896 s.

Baranov V. M. Normorajter kak professiya // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2017. № 6. S. 16–29.

Dozhdev D. V. Rimskoe chastnoe pravo: Uchebnik dlya vuzov / Pod obshh. red. akad. RAN, d.yu.n., prof. V. S. Nersesyancza. Moskva: Norma, 2006. 784 s.

Kon I. S. Lichnost` // Filozofskij e`nciklopedicheskij slovar`. / Redkol.: S. S. Averincev, E`A. Arab-Ogly`, L. F. Il`ichev i dr. Moskva: Sovetskaya e`nciklopediya, 1989. S. 313–315.

Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory`, kotory`mi my` zhivem. Moskva: Editorial URSS, 2004. 256 s.

Nacional`nyj korpus russkogo yazy`ka URL: <http://www.ruscorpora.ru> (НКРЯ).

Slovar` russkogo yazy`ka. V 4 t. T. IV / Gl. redaktor A. P. Evgen`eva. Moskva: Russkij yazy`k, 1988. 796 s.

Stepanov Yu. S. Konstany`: slovar` russkoj kul`tury`. Moskva: Akademicheskij Proekt, 2004. 992 s.

Yakobson R. O. Izbranny`e raboty`. Moskva: Progress, 1985. 460 s.

Сведения об авторах:

Ольга Юрьевна Авдевнина; доктор филологических наук; доцент; профессор кафедры русского языка и культуры речи; ФГБОУ ВО «Саратовская

государственная юридическая академия»; ORCID 0000-0002-2239-3285; olga.rosauz@gmail.com; сфера научных интересов: русский язык в профессиональной речи, теория языковой нормы, социолингвистика, грамматика слова, текст.

Вера Викторовна Девяткина; кандидат филологических наук; доцент; доцент кафедры русского языка и культуры речи; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»; ORCID 0000-0003-4502-7250; v.devyatkina@mail.ru; сфера научных интересов: судебная речь, русский язык в юридической речи, социолингвистика, стилистика, риторика.

The authors' profiles:

Olga Yurievna Avdenina; Doctor of Philology; Associate Professor; Professor at the Department of Russian Language and Rhetoric; Saratov State Law Academy; ORCID 0000-0002-2239-3285; olga.rosauz@gmail.com; research interests: Russian language and professional jargon, theory of language norms, sociolinguistics, grammar, text.

Vera Viktorovna Devyatkina; Candidate of Philology; Associate Professor; Associate Professor of Russian Language and Rhetoric; Saratov State Law Academy; ORCID 0000-0003-4502-7250; v.devyatkina@mail.ru; research interests: judicial speech, Russian language and legal speech, sociolinguistics, style, rhetoric.